

П. Н. МИЛЮКОВ

Россия и демократическая эмиграция

(доклад в первом публичном заседании Республиканско-демократического клуба в Праге, 5 июня 1923 г.)¹

I

Мм. Гг.

Позвольте мне начать этот доклад с выражения удовольствия, что мне приходится произносить эту свободную политическую речь в свободной братской республике, созданной усилиями политиков, направление которых близко к моему собственному. Позвольте также выразить то чувство благодарности, которое испытывают все русские, без различия направлений, за ту исключительную заботу, которую проявили чехи по отношению к нам в дни тяжелых испытаний, переживаемых Россией.

Мы не раз ошибались, предсказывая скорый конец этих испытаний. Ошибка извинительная, так как ошибались и сами большевики, мечтавшие вначале только о том, чтобы побить рекорд длительности Парижской коммуны 1871 г.* Но была ли это ошибка вообще? Да, конечно, прогнозы наши оказались неверны. Но наш диагноз болезни был правилен. Пусть смерть еще не наступила. Все-таки болезнь смертельна. И конечный ее исход — неизбежен.

В чем состоит эта болезнь? Оставим в стороне все осложняющие симптомы. Не будем говорить о режиме господства посредством партии, могущей держаться только террором. Не будем строить расчетов на растущем недовольстве этим режимом всего населе-

* Парижская коммуна 1871 г. — революционное правительство, утвердившееся в результате восстания с 18 по 28 марта 1871 г.

ния. В двух словах, корень смертельной болезни большевизма состоит в создании системы, при которой потребление не основывается на производстве, и которая живет съеданием запасов, накопленных русским прошлым. Пусть мы ошиблись в расчете того, как много в России этого основного капитала и сколько накоплено запасов. Мы не ошиблись в том, что запасы все-таки ограничены.

Пусть и сейчас — драгоценных камней, ковров, мехов, картин найдется в России достаточно, чтобы просодержать еще несколько времени сведенный к минимуму аппарат власти, включая и гипертрофированный аппарат внешней пропаганды мировой революции. Но в процессе расхищения основного капитала страны подорван самый фундамент народного хозяйства, — и нормальное кровообращение хозяйственного организма страны приостановилось. Земля не производит зерна — не только на продажу, но и для нужд самого производителя, — и голод стал в России хроническим. Голод — не от стихийных бедствий, а от полной потери хозяйственного инвентаря, от уменьшения запашки, от ухудшения семян, от сорной травы, от полевых мышей, размножившихся на запущенной пашне. Вымирание населения — от нарушения равновесия между количеством населения в стране и количеством пищи, которое может в ней производиться. Промышленность, — та промышленность, наличность которой создавала нормальное отношение между городом и деревней, — еще более разрушена, чем земледелие. Фабрики не производят товаров, а то немного, что они производят, — некому покупать. Несмотря на казенные субсидии, — не окупающиеся производством, — и сохранившиеся промышленные заведения «свертываются» одно за другим. Нет хлеба и товаров: нет нормального обмена в стране, — и деньги потеряли значение меновых знаков. Правительство вливает в умирающий организм бумажные потоки, — как вливают соляной раствор вместо крови, — но это не помогает, — и мы присутствуем при катастрофическом и непрерывном падении валюты, побивающем все рекорды Великой французской революции. На развалинах народного хозяйства невозможна никакая финансовая политика. Налоги не поступают, бумажки сыплются без толка и счета в ненасытную пасть казенной индустрии, и только хлеб, взимаемый с возрастающими трудностями с голодающего населения, кое-как еще кормит все уменьшающуюся в числе армию солдат и армию чиновников.

Может ли власть существовать при таком положении? Фактически власть не уходит. Она, говорят нам приезжие из России, прочна, ибо нет силы, которая могла бы свалить ее изнутри России. Власть остается, но она не остается той же. Внутренний процесс идет, и власть перерождается. Она перерождается не тем, что «эволюционирует». Хотя эволюция большевистской власти есть факт, не подлежащий спору, но этой эволюции положен предел — самосохранением власти. И власть уже стоит у этого предела. Нет, власть большевиков перерождается иначе, — сжимаясь и атрофируясь. Персидский царь Дарий усовершенствовал дороги древней Персии, потому что он понимал, что без легких и скорых сообщений деспотическая власть в обширной стране держаться не может. А в России с каждым месяцем разрушаются средства транспорта, свойственные XX веку, и сообщения становятся труднее, чем в древней Персии. Когда-то граф Кокцов сказал, что в России за пятьдесят верст кончается политика. Теперь меньше чем за пятьдесят верст кончается советская «диктатура». Щупальца этой власти протягиваются дальше в страну с большим трудом и не поможет в этом отношении никакое создание института секретарей уездных исполкомов, которым теперь заняты большевики. Деревня уже освободилась от советской власти — вот факт, подтверждаемый всеми. Когда в текущем году проводился план обложить крестьян новыми тяжелыми налогами он встретил со стороны «спецов» основное возражение — в деревне нет аппарата для взимания этих налогов. В качестве последнего ресурса большевики просились занимать деньги за границей. Они готовы были для этого случая притвориться агнцами, отложить свою мировую революцию, наобещать концессий, даже издать кодексы законов и признать собственность. За все это они просили три миллиарда на «экономическое восстановление» России. Сумма не была преувеличена: она даже была сокращена вдвое против требований ведомств. Но, помимо того, что таких денег не было на европейском рынке даже для самих себя, никто больше не верил, что эти деньги пойдут на восстановление России, а не на укрепление советской власти и на поддержание ее пропаганды.

Нужда в России, конечно, осталась. Но потеряна вера, что большевистская Россия может удовлетворить эту нужду. Оставался страх перед большевиками. Но и этот страх проходил, а вместе проходит и охота к уступкам. Стало уже слишком ясно, что к этой России условия нормального международного общения непри-

ложимы. Результаты — налицо. Большевики, за которыми еще в прошлом году так усердно ухаживали, стали терпеть в международной политике поражение за поражением. В Генуе* с ними любезничал король и обменивался приветствиями епископ. В Гааге** их блеф был безжалостно разоблачен европейскими экспертами, перед которыми не устоял ни Сокольниковский бюджет, ни декрет о собственности. Большевиков не побоялись отпустить с пустыми руками. В Лозанну*** их позвали уже только для одного вопроса, слишком жизненного для России, — и решили этот вопрос против России, не опасаясь потерять большевистскую подпись, которые те все еще жаждали поставить. Во вторую сессию Лозанны их просто не позвали, и Боровский собирался уехать, когда был убит. В довершение всего оскорбительная нота Керзона прибавила к поражению еще и унижение. И эту чашу большевикам пришлось испить до дна. Еще так недавно они кричали, что Красная армия разгромит Европу. А теперь Троцкий, Чичерин, Зиновьев, Бухарин² в один голос вопят: Россия хочет мира, ради мира она готова нести все жертвы. И последовала полная капитуляция перед Керзоном³ которую красная печать тщетно пытается изобразить как новую большевистскую победу.

Дело-де в том, что конъюнктура сложилась неблагоприятно. Под этим они разумеют мировую буржуазную реакцию. Но они не говорят о другой внутренней причине, которая не позволяет им рисковать вооруженным столкновением с Европой. Пример самодержавия научил большевиков, что власть, которая дискредитирована в стране, не может вести войны, не рискуя самым своим существованием. Вот основной секрет внезапного пацифизма большевиков.

Какой же исход? Может быть, такую власть, против которой нет сил внутри, можно взять голыми руками извне? Действительно, на наших глазах, в прямой связи с внутренним ослаблением и вырождением советской власти возрождается идея внешнего вмешательства — идея интервенции, которую мы считали уже мертвой. Всего несколько недель тому назад слухи опять по-

* Международная конференция в Генуе по экономическим вопросам, проходившая с 10 апреля по 19 мая 1922 г.

** Гагская конференция 1922 г. - международная финансово-экономическая конференция в Гааге во время Генуэзской конференции.

*** Международная конференция (20 ноября 1922 – 24 июля 1923) по вопросам Ближнего Востока.

ползли со всех сторон: из Берлина, из Белграда, из Финляндии и Польши. Через три-четыре месяца — мобилизация. Офицеров спрашивают, знают ли они по-польски. Студентам говорят: до-вольно учиться, готовьтесь...

Соблазнительные слухи!.. Ибо кто же не хочет скорейшего освобождения России и свержения коммунистического правительства? Кто не понимает, что не одни большевики, а и вся Россия гибнет вместе с ними с каждым днем и что ждать больше нельзя? Но, увы, — у нас слишком короткая память. Мы слишком скоро забываем о том, что было еще так недавно. Нам нужно напоминать историю интервенции.

Когда она начиналась, в 1918 г., мы все были на ее стороне: левые еще определеннее, чем правые. Но тогда это не была «интервенция». Это была союзная помощь в борьбе «лояльной» России против германских агентов. И я лично тогда — в конце 1917 г. — писал письмо теперешнему президенту Чехословацкой республики, прося о помощи чехов. Через меня начались в Ростове и Новочеркасске переговоры, — тогда совершенно бесплодные, — с местными представителями Англии и Америки. И через год я был послан, в конце декабря 1918 г., — вместе с пятью другими делегатами всех русских политических партий, в Константинополь, Париж и Лондон — просить немедленной посылки союзных войск на юг России как полагалось по договору о перемирии с Германией.

Вы все знаете результаты. Чехословаки сделали, что могли. И первые разочаровались. Помощь больших держав опоздала — и всегда оставалась недостаточной. Если бы тогда, — когда ни Красной армии, ни советского аппарата управления еще не существовало, — эта помощь была бы достаточной, то мы не разговаривали бы здесь и Россия не пережила бы этого пятилетнего процесса разрушения.

Но что же говорить о том, чего не было! С тех пор многое произошло, что сделало интервенцию — и неприемлемой, и бесцельной. Укрепилась власть насильников в покоренной ими стране. Выяснилась эгоистическая подоплека политики некоторых держав, закрепивших начатое большевиками расчленение России на части. Выяснились реставрационные стремления самих русских освободителей извне. Но главное, что выяснилось, — и что перевесило все остальное, — это совершенно определенное нежелание самих народных масс принять освобождение из рук

тех, кто при этом хотел вернуть Россию к старому политическому и социальному строю.

Для меня — и для каждого демократа — это последнее обстоятельство должно было быть решающим. Меня обвиняли, что я изменил армии, что я оскорбил армию и т.п. Я отбрасываю с негодованием эти обвинения моих политических врагов. Я достаточно государственный, чтобы понимать национальное значение армии, — и достаточно близко стоял к так наз. «белой армии», чтобы ценить ее заслуги и преклоняться перед ее самоотвержением. Но я — демократ: и мало-помалу — не сразу — я понял, почему народ не хочет быть освобожден...

II

Границу республиканско-демократических настроений справа провести нетрудно. Она проходит там, где начинаются явные или скрытые монархические устремления. Никто не занимался политической статистикой эмиграции, но можно признать, что по самому своему происхождению большинство этой эмиграции монархично. И республиканско-демократические группы сделали бы большую ошибку, если бы стали в эмиграции добиваться численного перевеса. Их заслугой можно считать уже то, что с появлением республиканско-демократических организаций монархическим настроениям пришлось тоже принять осязательную форму. Из определенной массы беженцев выделились определенно монархические организации, и нейтральный флаг, маскировавший прежде монархизм, был поневоле отброшен. Естественно, раньше других выделились и — полуконспиративно — сорганизовались наиболее непримиримые. При этом и оказалось, что это — все те же старые знакомые: те же самые, которые в течение десяти лет перед революцией боролись против Государственной Думы, готовили переворот справа — и сделали неизбежным переворот слева. Они только сменили Дубровина⁴ на Винберга⁵ и убили — после Герценштейна⁶ — Набокова⁷. И мировоззрение их осталось старым: для них по-прежнему и конституция, и революция есть продукт «жидомасонского» заговора. Даже тот же самый незатейливый подлог Нилуса⁸ служит им по-прежнему катехизисом. Их конспиративная организация лишь слегка прикрывается флагом фашизма или «национального мышления» Открыто функционирует другая разновидность

монархизма: сторонники разных «блюстителей престола», ныне перебирающиеся из Берлина, Мюнхена, Венгрии в Париж. Здесь даже Марков⁹ II завопил языком умеренности. Они де «не будут мстить», не потребуют назад земли, готовы прислушиваться к «внутреннему процессу» и даже не прочь признать в «советах» — древнерусское учреждение мира. Но кто поверит Маркову второму? Не очень верят им и немножко брезгуют — даже кандидаты в «блюстители».

Отсюда является необходимость «зашифроваться». Едино-мышленники по Рейхенгаллю* уже выделили из себя группу «конституционных монархистов». Попытка вышла слишком прозрачная, и публицистика этих «конституционалистов», вероятно, сделает многих честных монархистов республиканцами. Тогда предпринята была вторая попытка: зашифровать монархический флаг «национальным». Это было бы совсем прилично — и, быть может, даже удовлетворило бы претендентов, — если бы было возможно. Но, увы, эта идея тоже уже испробована и испорчена и Врангелевским**, и Бурцевским*** комитетами. И там, и тут были привлечены к «единому национальному фронту» и свои собственные кадеты, и свои собственные социалисты. Если тогда, в 1921 г., эта затея симулировать общий фронт не удалась, когда свежо еще было Врангелевское верховное командование, то теперь, в 1923 г., повторить попытку создания национального комитета уже безусловно невозможно. Наивный проект заменить политические организации в этом союзе «бытовыми» слишком уж шит белыми нитками. Продуктом полного отчаяния является третья идея: предложить республиканцам «прогрессивный блок» с конституционными монархистами. Это предложение — честное; но, во-первых, нет конституционалистов, не связанных с Рейхенгаллем и с претендентами, а во-вторых самое имя «прогрессивного блока» напоминает о другой исторической эпохе с существенно иными политическими заданиями. Нельзя забыть, что в промежутке прошла революция.

* Рейхенгалль — город в Баварии, где в 1921 г. прошел съезд правомонархической эмиграции..

** Комитет содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков.

*** Съезд Русского национального объединения (сокращенно - Национальный съезд) заседал в Париже 5–12 июня 1921 г. Подготовка съезда осуществлялась В.Л. Бурцевым.

Нет, русский монархизм сам себе отрезал возвращение вспять. Он слишком рано «расшифровался». Он роковым образом связан с определенной тактикой — интервенции и с определенной целью — реставрации. А больше всего он связан своим персональным составом — выходцев с того света, из старой России. Промежуточных звеньев между ним и республиканской демократией быть не может.

Перейду теперь прямо к противоположному, левому флангу. Наше отношение к большевизму и к его проекции за границей — «сменовеховству»*, столь неудачно исполняющему свою миссию «разлагать эмиграцию», ясно. Оно отрицательное и боевое. Но далее, в порядке от края к центру, идет социологизм. Тут граница — гораздо менее ясная, и на ней надо остановиться подробнее.

Здесь не место разбирать идеологическое отношение социализма к большевизму. Для нашей практической задачи нам нужно отметить, что и самый социализм мы не можем рассматривать как одно целое. А практическая трудность заключается тут в том, что социализм не хочет перестать быть одним целым. И границу с этой стороны нам приходится — с большим трудом — проводить уже самим.

Установить грубые вехи и здесь, конечно, нетрудно, — тем более, что он уже установился фактически. Мы не можем идти вместе с интернационалистами и с так называемыми «немедленными социалистами». Мы, с другой стороны, прекрасно работаем вместе с так называемыми «демократическими» социалистами, признающими осуществление демократического строя, политического и социального, — очередной задачей политики. Но между этими двумя гранями, отделяющими несомненных попутчиков от несомненных противников, есть промежуточная зона, в которой провести окончательное разграничение много труднее. Для одних из признающих демократический строй — сама практика демократических учреждений есть единственный способ идти к социализму. Для других — демократические учреждения есть

* Сменовеховство — идейно-политическое течение, возникшее в 1920-е гг. в русской эмиграции. Название происходит от сборника статей «Смена вех», изданного в 1921 г. в Праге, где были сформулированы основные идеи этого течения. Сменовеховцы выступали за примирение и сотрудничество с советской Россией, мотивируя свою позицию тем, что большевистская власть уже «переродилась» и действует в национальных интересах России.

буржуазный тупик, препятствие на пути к социализму и могут быть признаны и использованы только как более удобное средство борьбы, чем учреждения недемократические. Я выразился бы, что последние, не будучи «немедленными» социалистами, являются сторонниками «немедленной» борьбы за социализм, борьбы, а не сотрудничества по укреплению демократического строя.

Неопределенность граней, как уже сказано, усиливается единством партийной организации, сильно тормозящей развитие и дифференциации партийной мысли. Шелуха старой терминологии хранится здесь очень долго после того, как жизнь поставила новые требования тактики, а теория ушла далеко вперед от исходных точек.

Ознакомившись с обоими флангами эмиграции, мы можем спросить себя: что было бы, если бы при ликвидации большевизма судьба России оказалась в зависимости только от этих двух неподвижных позиций? Мы знаем, что население России в своей реакции против большевизма настроено и против социализма вообще, который оно часто не противопоставляет большевизму. Но точно так же, если не более, это население настроено против возвращения к старому порядку, — неизбежного при монархии. Большевизм, собственно, и поддерживался в значительной степени этим страхом. Чтобы найти выход, который облегчит ликвидацию советского наследства, совершенно необходимым является создание средней позиции, независимой от монархизма и социализма. Этим единственным, неизбежным исходом и является позиция республиканско-демократическая. Только она может устранить опасность реставрации, с одной стороны, и социалистического экспериментаторства — с другой.

Это и есть та позиция, с которой я выступаю здесь. За два года своего существования она собирает около себя все более последователей. Летом 1921 года это была одна только демократическая группа партии народной свободы. В 1921—1922 гг. она была сильно поддержана новыми, вольными или невольными пришельцами из России, впервые порадовавшими нас сообщениями, что ход нашей политической мысли не оторвался от хода русской действительности. С нынешнего, 1923 года ряд демократических группировок сложился или складывается уже во всех главных группах эмиграции: в студенчестве, казачестве, офицерстве, профессуре. Мы, таким образом, теперь уже не одни, а окружены целым рядом аналогичных группировок. Естественно возникает

вопрос об установлении между этими группировками взаимной связи.

Можно поставить вопрос: достаточно ли однородны эти новые объединения, чтобы допустить организационное сближение, и достаточно ли отчетливо они выделяются от позиций соседних, справа и слева?

Психологически — сдвиг справа и слева к центру, конечно, происходит постепенно, в ряде переходных оттенков. Но логически и политически — здесь нет промежуточных позиций. Конституционный монархизм без монарха, но со старыми привычками бюрократического и социального окружения, — есть позиция явно несостоятельная. Ею можно пользоваться только как «зашифровкой». Другая двусмысленная, промежуточная позиция — «ни монархия, ни республика» — годилась для белой армии, которая должна была быть аполитичной. Но она не годится для политической партии, группы, печатного органа, нормальная функция которых — защищать определенную политическую программу. С другой, левой, стороны мы тоже должны будем прийти к элиминированию промежуточных позиций. Партийный социализм эволюционирует слишком медленно, а жизнь не ждет и требует определенных ответов. Эти ответы должны быть даны.

Не в клубе, конечно. Клуб не есть политическая организация: это есть свободное объединение, место для обмена мнений. Ответы должно дать организованное объединение, союз демократических организаций, который явится результатом этого обмена мнений.

Что касается однородности политического настроения и мнений, выделившихся справа и слева центральных демократических организаций, она, как нам кажется, уже и в настоящее время довольно значительна. Ряд таких организаций уже выставил свои пункты платформы. Основное политическое содержание в них — одинаково. Я не могу здесь остановиться подробно на вопросах республиканско-демократической платформы. Но необходимо остановиться хотя бы на главных из них.

Коснусь, прежде всего, одного вопроса из области общей идеологии: вопроса о нашем отношении к «интернационализму» и «национализму». Боевым этот вопрос хотят сделать наши противники. Мы отделяем себя справа понятием республики. А нас хотят отделить с той стороны — понятием и чувством национального, которое будто бы нам чуждо. Мы-де, если не антинациональны, то, во всяком случае, анациональны. Одни при этом

находят объяснение в том, что мы относимся к национальным вопросам и чувствам как интеллигенты космополиты. Другие, еще проще, прямо объявляют, что мы — не русские. С людьми, которые оперируют понятием «жидо-кадетов», вообще спорить не приходится. Напротив, с людьми, которые борются против старой интеллигентской идеологии, у нас спор очень давний и долгий. В двух словах мы согласны с их возражениями против старого интеллигентского максимализма. Но мы возражаем против нового — тоже максимализма и тоже интеллигентского. Впрочем, я не думаю здесь вновь поднимать этого спора. Скажу только, что можно быть национальным без мистики, без старого «вехизма» и без нового «евразийства».

Почему мы осторожны в употреблении этого слова: национальный? Да потому, что оно многозначно и что под ним слишком часто провозилась — и еще теперь провозится — политическая контрабанда.

Мы, конечно, не интернационалисты — в смысле идей классовой борьбы, возведенной в международный принцип, в смысле второго, третьего или какого угодно интернационализма. Но современная жизнь насыщена интернационализмом — в общеупотребительном смысле. Мы дышим интернациональной атмосферой. Наука и техника, искусство, религия, промышленность и капитал — интернациональны. Интернациональна вся современная культура. Это не значит, конечно, что культура эта космополитична, лишена национальных начал. Дело идет лишь о гармоническом сочетании того и другого. Русское искусство как раз счастливо разрешило вопрос о связи национального с интернациональным; доказательство — то международное признание, то всемирное влияние, которое имеет русское творчество.

Национальное чувство не только не противоречит развитию национальной жизни, но, напротив, само является результатом и фактором этого развития. Но в процессе развития всегда и везде возникал протест против нововведений всякого рода во имя отживающих форм национального быта. Это нездоровое состояние национального чувства, которое цепляется за прошлое и мешает свободе живого национального творчества, которое противопоставляет себя мировой культуре как нечто исключительное, которое странно связывает заостренность в прошлом с мессианством, — мы привыкли называть «национализмом». Мы, таким образом, различаем между национальным и националистическим, между

патриотизмом и шовинизмом. Мы хотим быть патриотами без шовинизма и национальными без национализма в указанном узком смысле. Я подчеркиваю это, потому что в связи с возрождением национального чувства — явление, которое я приветствую, — слово «национализм» начинает употребляться в более широком смысле, которого оно не имело раньше и которого не следовало бы закреплять за ним теперь.

Есть еще неудобство в неосторожном употреблении этого слова. Термин «национализм» можно произвести и от слова «национальность», и от слова «нация». В стране, как Россия, это далеко не одно и то же. Мы все должны стремиться к созданию великой российской нации, — по необходимости многоплеменной, как многоплеменная швейцарская, американская нация. Национализм от «нации» есть наша надежда, цель наших стремлений. Но национализм от великорусской национальности противопоставляет себя национализмам украинской, еврейской, татарской и т.д. национальностей. В известных пределах все эти «национализмы» законны, но с их подчеркиванием вы никогда не дойдете до великого целого. И вы не можете поставить задачей великорусского национализма восстановление «колосса на глиняных ногах», каким была централизованная Российская империя. Освободите слово «национальный», «национализм» от этих политических двусмысленностей, от ассоциаций, связанных с ними старым режимом, — и возражения против их употребления в политической номенклатуре прекратятся.

Перехожу к важнейшим пунктам республиканско-демократической платформы. Наше отношение к республике, после всего сказанного, не нуждается в дальнейших объяснениях. Мы республиканцы не только потому, что республика есть лучшая форма для осуществления идеалов демократии. Мы республиканцы и потому, что монархия неразрывно связана с возвращением к тому старому порядку, против которого многие из нас боролись всю жизнь и от которого освободил нас февральский переворот. Мы республиканцы потому, что монархия может быть теперь восстановлена лишь путем нового государственного переворота, с которым не помирятся ставшие сознательными массы. Только обман и насилие над этими массами могут на короткое время восстановить монархию, — с перспективой новых переворотов в будущем. Такой ценой мы бы не хотели освободить Россию, — даже если бы могли. Но это непростительная иллюзия думать

в 1923 г., как можно было думать в 1918 г., что Россия может быть освобождена путем вмешательства извне.

Далее, мы сторонники федеративной республики, потому что мы не видим другого пути к мирному восстановлению единого Российского государства и к последнему дружному сожителству народов в его пределах, кроме добровольного соглашения частей бывшей империи. Мы не хотим насильственного пути.

Та квазифедерация, которая сочинена советскими властями, не есть еще мирное решение вопроса. Те, кто хвалит советскую власть за восстановление единства, не понимают, что действиями этой власти дело единения не только не облегчено, а, напротив, усложнено и запутано.

Понятное дело, что не все части бывшей монархии в одинаковой мере нуждаются в политической самостоятельности. В этом отношении республиканская конституция г. Крамаржа¹⁰, подводящая всех под одну мерку, едва ли стоит на правильном пути. Одним она дает слишком много, а другим слишком мало. Не следует гнаться за внешним однообразием, когда его нет в жизни. Конечно, проблема уравнивания громадного русского комплекса земель с федеративными мелкими единицами существует и в России, — и это очень серьезная и трудная проблема. Но пример новой республиканской Германии показывает, что эта проблема не неразрешима.

Не менее, чем постановка вопросов политического строя, важна в республиканской программе постановка экономических и социальных проблем. И этой стороны я могу коснуться, конечно, только в самых общих чертах.

Уже из моей характеристики основного зла русской жизни, основной причины экономического разорения России вы можете заключить, что лекарства я буду искать в переходе к системе прямо противоположной системе коммунизма, принципиально отрицающей ее основы. Ряд демократических организаций сходятся теперь в этом вопросе. Например, в «Крестьянской России»* я нахожу следующую программную постановку этого вопроса: «Энергическое содействие восстановлению буржуазно-экономических отношений в промышленности, торговле, кредите и других областях хозяйства». Большевики, изменив в этом отношении

* «Крестьянская Россия» — всесоюзная газета, издававшаяся ЦК ВКП(б) в 1923–1939 гг.

основным принципам марксизма, перевернули вверх ногами все законы политической экономии — не «буржуазной», а всяческой.

Надо теперь все поставить опять на ноги. Это до такой степени нужно и неотложно, что сами большевики вынуждены были положить начало. Но они не в состоянии быть последовательными и довести дело до конца, ибо это был бы их собственный конец. Ленин¹¹ недаром говорил: законы политической экономии нас погубят.

Надо восстановить полное действие этих законов, восстановить свободу экономической деятельности. Эта «буржуазная» формула приемлема для «демократического» социализма, и мы не должны останавливаться перед тем, если утопический бланкистский социализм ее отвергнет. Мы не можем присоединиться и к упрекам, идущим с этой стороны, что большевики изменили социализму, вступив на буржуазную стезю.

Тут необходимо, однако же, сделать одну оговорку. «Военный социализм» — та крайняя степень государственного вмешательства в свободную экономическую деятельность, которая была вызвана необходимостью напряжения всех народных сил и средств для победы в войне, — теперь, естественно, вызывает против себя реакцию в пользу экономической свободы, и реакция эта принимает тоже крайние формы полного отрицания регулирующей роли государства. Но государство не может капитулировать, и в особенности в период восстановления народного хозяйства его содействие понадобится в очень значительной мере. Право государства регулировать хозяйственную жизнь страны вытекает из общего понятия об обязанностях современного демократического государства: разумеется, оно должно держаться в пределах, не стесняющих самостоятельности населения и здоровой хозяйственной инициативы.

Из социальных вопросов важнейшим — и по существу, и по той роли, которую в пореволюционной России будет играть крестьянство, — является вопрос аграрный. Он очень прост, поскольку речь идет об общей формуле: «Земли, перешедшие во время революции в фактическое обладание крестьян, не должны быть отобраны, а, напротив, должны быть юридически закреплены за ним в собственность». Но вопрос становится сложнее, когда переходим к мерам охраны крестьянского землевладения — к земельной политике государства. Такую политику в пореволюционной России может выработать только организованная крестьянская

демократия. Государство лишь обязано принять предварительные меры против «разбазаривания» земли как товара.

Преимущественные заботы о восстановлении сельского хозяйства — основы народного хозяйства крестьянской России, не должны, конечно, отвлечь внимания государства от восстановления нормального соотношения между земледелием и промышленностью. Россия не должна стать колонией для иностранцев и местом обмена на сырье продуктов чужой индустрии. Старые споры о том, может ли Россия вступить в стадию капиталистического развития или же она осуждена навсегда остаться чисто земледельческой страной, не должны возобновляться в новой России.

Мне остается коснуться последнего, столь же важного, сколь и деликатного вопроса: когда и как может осуществиться обсуждаемая нами республиканско-демократическая программа. Конечно, осуществить ее можно только в России. И само собой напрашивается вопрос: значит, надо идти в Россию? Значит, и работа в эмиграции, и сама эмиграция бесполезны для России?

Тяга в Россию в последнее время, несомненно, растет. Она находит поддержку и в призывах новых эмигрантов — поневоле, — таких, как А.В. Пешехонов¹². Я не хочу возражать против этих призывов и этой тяги во имя непримиримости по отношению к большевикам. Непримиримость эту, при известных условиях, можно сохранить, и пойдя в Россию — и даже, как показывает пример Пешехонова, — служа в большевистском правительственном аппарате за совесть, не большевикам, а стране. Несомненно и то, что, раз став на ту точку зрения, что спасение России придет изнутри, путем внутреннего процесса, мы должны вместе с Пешехоновым желать, чтобы людей его типа и закала было в России как можно больше. Но сам Пешехонов понимает, что призыв в Россию, при настоящих условиях жизни и деятельности там, не может быть коллективным. Он сам сводит вопрос к вопросу личной оценки и совести каждого: «могий вместити, да вместит». А одиночные уходы в Россию, даже если признать их в известных случаях допустимыми и желательными, не решают общего вопроса о демократической эмиграции и о ее роли в деле спасения России.

Роль эта — велика, но она — подготовительная. Подготовительная не только в области науки и техники, — в области выработки «спецов» для будущей России, но и в области политики.

Работа наша в этой области за границей уже теперь должна быть так рассчитана, чтобы быть не вредной, а полезной для России. Мы не зовем и не идем в Россию. Но мы должны готовить себя для возвращения туда, когда оно станет возможным. В тот момент наши обе психологии — эмигрантская и внутрирусская — должны выровняться и сделать возможным взаимное понимание и сотрудничество. Для этого, прежде всего, мы должны научиться понимать великий исторический переворот, происшедший в России, не как случайный «бунт рабов», а как безвозвратный сдвиг, открывающий новый период русской истории. С другой стороны, мы должны также научиться извлекать выводы из тяжелых уроков революции, связать ее неудачи с нашими ошибками, найти корень этих ошибок в старых интеллигентских доктринах. Выяснив причины ошибок, мы должны быть готовы внести в нашу практическую деятельность соответственные поправки.

Дело не в том, чтобы проклясть интеллигенцию за ее старый «максимализм». Интеллигенция нужна для всякого народа, и проклинаящие ее — суть тоже интеллигенты, движимые новым видом максимализма, или враги народа. Народ без интеллигенции есть сырая этнографическая масса, готовая послужить колонией для эксплуатации, «навозом» для чужой культуры, жертвой чужих интересов. Дело в том, чтобы сохранить народу его интеллигенцию и дать ему возможность вместе с ней — с доверием к ней — думать свою крепкую думу.

Вот корни демократической идеологии, вот ее задачи. Объединение республиканско-демократических организаций есть кратчайший путь к возврату политически мыслящей интеллигенции в Россию. А наш республиканско-демократический клуб, при открытии которого мы присутствуем, есть первый решительный шаг по этому пути, за которым в ближайшем должны последовать другие.

Последние новости. 1923, 5, 7 июня

